

Основан
в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ

Министерство
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

апрель

№ 4 (624)
2012

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

ЧАЧУХ

Игорь Мадинович,
полковник запаса

Заместитель главного редактора

АВЕРЧЕНКО

Сергей Викторович,
подполковник запаса,
кандидат исторических наук

Научные редакторы

Е.В. ДОБЫЧИНА,

кандидат исторических наук;

В.А. ЕВДОКИМОВ,

подполковник запаса;

В.Т. ИМИНОВ,

генерал-лейтенант

в отставке,

кандидат исторических

наук, профессор;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,

полковник запаса,

кандидат философских

наук, старший научный

сотрудник;

С.В. МАИЮКОВ,

полковник запаса;

В.Г. ОПОКОВ,

капитан 1 ранга в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ;

Р.И. ПАРФЕНОВ;

С.П. СИДОРОВ,

полковник запаса

Ответственный секретарь

П.Н. ЛАНЦОВ,

капитан 1 ранга запаса

Секретариат

М.В. ЗАБРОДИНА

(заместитель ответственного

секретаря редакции);

А.Л. БОЧАРОВА;

Е.В. КРИГЕР;

А.А. ПИМЕНОВ,

полковник в отставке;

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

А.Н. ГОНЧАРОВА;

А.М. ПЕТРОВ,

полковник запаса

Художественный редактор

И.В. НЕДОСТОВА

Заведующая редакцией

М.П. МОИСЕЕВА

Перевод

В.С. СИДОРОВ

Компьютерная вёрстка

А.В. МОЛЧАНОВ;

Д.О. СТАШЕНОВ

Адрес для переписки:

119160, Москва, Хорошёвское

шоссе, 38 Д, редакция

«Военно-исторического

журнала».

Тел.: (495) 693-57-45,

8-906-751-06-97.

Электронная версия

«Военно-исторического

журнала» — на сайте

www.history.milportal.ru,

на сайте Министерства

обороны РФ www.mil.ru и на

сайте Научной электронной

библиотеки www.elibrary.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы запаса, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

В.С. ВЫСОЦКИЙ — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — научный сотрудник Военно-научного комитета ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, доктор исторических наук (Москва)

С.Б. КАМЕНИЧЕНКО — начальник 6-го направления (руководства архивным делом в ВС РФ) Управления делами МО РФ (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-майор запаса, кандидат исторических наук (Москва)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ по научной работе, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — первый заместитель начальника Объединённого штаба Организации Договора о коллективной безопасности, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

И.А. ПЕРМЯКОВ — начальник Центрального архива МО РФ, полковник запаса, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

К.К. ПРОВАЛОВ — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — советник Российской академии наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ, генерал-лейтенант, доктор юридических наук (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён

в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА	
«Ко мне прислал государь гофмаршала поздравить с Георгием первого класса...». К 200-летию Отечественной войны 1812 года <i>"The Emperor sent Knight Marshal to me to congratulate on the occasion of George the first class..." On the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812</i>	2-я стр. обл.
ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ	
Подвиг генерала М.Г. Ефремова (Публикация В.Н. Серикова) <i>The feat of Gen. M.G. Yefremov (Publication by V.N. Serikov)</i>	2 стр. цв. вкл.
МУНДИР ОТЕЧЕСТВА	
Обмундирование уланских полков Российской армии в эпоху Наполеоновских войн 1805—1815 гг. К 200-летию Отечественной войны 1812 года <i>Uhlan uniform of the Russian army in the era of the Napoleonic Wars (1805—1815). To the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812</i>	4 стр. цв. вкл.
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ	
С.А. КОЛОМНИН — Орден полководца. Обнаружена награда, принадлежавшая М.И. Кутузову S.A. KOLOMNNIN — Order of the military leader. The award belonged to M.I. Kutuzov is discovered	3
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	
В.В. МУРАЙ — Уставы Сухопутных войск Красной армии V.V. MURAY — Regulations of the Land Force of the Red army	8
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
Е.Н. РУКАВИШНИКОВ — Роль «стационаров» в демонстрации военного присутствия России на Средиземном море (30—50-е годы XIX в.) Ye. N. RUKAVISHNIKOV — The role of visiting warships ("stationers") in demonstration of Russia's military presence in the Mediterranean Sea (the 30—50s of the XIX century)	14
В.А. ШИРЯЕВ, Н.А. ЕГОРОВ — Пресечение подрывной деятельности против Советской России на Дальнем востоке в 1920-е годы V.A. SHIRYAEV, N.A. YEGOROV — Elimination of subversive activities against Soviet Russia in the Far East in the 1920s	19
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
С.Л. ПЕЧУРОВ, С.В. МАНИУКОВ — «Раса господ»: выбор главного врага. Новаиии англосаксонизма в дальневосточном соперничестве Британии с Россией на рубеже XIX—XX вв. S.L. PECHUROV, S.V. MANYUKOV — "Master race": the choice of the main enemy. Innovations of Anglo-Saxon fundamentalism in the Far Eastern rivalry of Britain and Russia in the borderline of the XIX—XX centuries	23
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	
Э.Л. КОРШУНОВ, М.А. ЧЕРНЫШОВ — Дымовая маскировка мостов после прорыва блокады Ленинграда E.L. KORSHUNOV, M.A. CHERNYSHOV — Smoke masking of bridges after breaking the siege of Leningrad	32
А.П. ЖАРСКИЙ, В.Н. ШЕПТУРА — Связь в высших звеньях управления германской армии в 1941—1945 гг. A.P. ZHARSKY, V.N. SHEPTURA — Signal communications in the higher levels of control in the German Army in 1941—1945	34
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	
О.Г. ДУДНИКОВА — Наставники великих князей O.G. DUDNIKOVA — Mentors of the Great Princes	39
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	
Д.Л. ЧЕРНЕНКО — Газета поезда Л.Д. Троцкого «В пути» D.L. CHERNENKO — The newspaper of L.D. Trotsky's train "On the way"	45
ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ	
А.Ю. ЛАШКОВ, В.Л. ГОЛОТЮК — Ему выпала честь возглавить Красный Воздушный флот A.Yu. LASHKOV, V.L. GOLOTYUK — He had the honor of leading the Red Air Fleet	48
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	
М.С. ХАРЬКОВ — Чтобы звучала медь оркестров. Развитие штатов военных оркестров советского периода M.S. KHAR'KOV — Let brass bands sound. The development of the staff of military bands of the Soviet period	53
А.В. ПЕЧЕЙКИН — С флажками на копьях A.V. PESHEYKIN — With flags on spears	57
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ	
Т.В. ЯНЧАУСКАС — Обмундирование уланских полков русской армии в эпоху Наполеоновских войн T.V. YANCHAUSKAS — Uniforms of Uhlan regiments of the Russian army in the era of the Napoleonic wars	61
ЗАБЫТОЕ ИМЯ	
С.С. БЛИЗНИЧЕНКО — Гибель флагмана в политических волнах S.S. BLIZNICHENKO — The death of the flag officer under political waves	66
НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	
Н.А. СОТАВОВ — Звезда Надир-шаха закатилась в горах Дагестана N.A. SOTAVOV — The Star of Nadir Shah waned in the mountains of Daghestan	72
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
С.Н. БАЗАНОВ — «Суворову равный» S.N. BASANOV — "Equal to Suvorov"	77
Л.В. КОРНИЕНКО — Об участии России в войнах и конфликтах L.V. KORNIYENKO — On Russia's participation in wars and conflicts	79
ИЗ ИСТОРИИ И ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ	
Многоствольное орудие залпового огня — оръяи <i>Multibarrelled salvo gun as an organ</i>	3-я стр. обл.
ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА	
Знаки отличия в военный и послевоенный периоды <i>Honorable distinctions of the war and postwar periods</i>	4-я стр. обл.

ОРДЕН ПОЛКОВОДЦА

Обнаружена награда, принадлежавшая М.И. Кутузову

Аннотация. В статье рассказывается о том, как принадлежавший генерал-фельдмаршалу М.И. Голенищеву-Кутузову военный орден Св. Георгия 2-й степени, которым он был награждён 18 марта 1792 г. за разгром турецкой армии Юсуф-паши при Мачине, оказался сначала у генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, затем у английского фельдмаршала А. Веллингтона и до сего времени продолжает находиться в Лондонском музее.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года; М.И. Кутузов; П.П. Коновницын; герцог А. Веллингтон.

Summary. The article tells, how the Military Order of St. George the 2st degree belonging to General Field Marshal M.I. Golenishchev-Kutuzov (he was awarded on March 18, 1792 "for defeating and expulsion of the enemy out of Russia") was first at Lieutenant-General P.P. Konovnitsyn, later at British Field Marshal A. Wellington, and to this day it continues to be in the London museum.

Keywords: Patriotic War of 1812; M.I. Kutuzov; P.P. Konovnitsyn; Duke A. Wellington.

В год 200-летия Отечественной войны 1812 года мы вспоминаем героев, совершивших подвиги на поле брани и отмеченных за это соответствующими наградами. Среди них генералы и офицеры, получившие высшие боевые награды — Георгиевские кресты разных степеней. Но так сложилось, что сегодня в музеях России орденских знаков М. Кутузова, П. Багратиона, М. Барклая-де-Толли, Я. Кульнева, Н. Раевского и многих других прославленных русских военачальников 1812 года практически нет. И даже у коллекционеров подлинных наград времён Отечественной войны 1812 года — единицы, так что найти по прошествии двух веков орденский знак того времени — редкая удача. И она нам улыбнулась: обнаружена одна из подлинных наград, принадлежавших ранее фельдмаршалу М.И. Кутузову, — большой крест ордена Св. Георгия.

«Ко мне прислал Государь гофмаршала поздравить с Георгием первого класса... Теперь украшать меня уже нечем»¹

Из письма М.И. Кутузова жене. 10 декабря 1812 г.

ГЛАВНЫМ препятствием в вопросе определения собственника орденских знаков, в частности периода Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг., является их полная обезличенность. У российских императорских орденов, во-первых, не имелось нумерации, и определить, кому и когда был вручён тот или иной знак, невозможно. Во-вторых, у одного и того же знака ордена могло быть несколько владельцев. Дело в том, что в Российской империи все ордена (знаки)² являлись собственностью государства в лице Кавалерской Думы, а с 1798 года — созданного императором Павлом I Орденского Капитула. Именно Павел I ввёл неукоснительное правило, согласно которому после смерти награждённого знаки орденов следовало возвращать в Капитул³. Этот регламент действовал в России с XVIII до первой половины XIX века.

Кроме того, в этот период при награждении более высокой степенью ордена младшая обязательно снималась и сдавалась в Капитул, откуда её заново можно было выдать следующему награждённому⁴, так что в собственности кавалера могли находиться только знаки какой-то одной степени орде-

на. Однако обязательной сдаче после смерти награждённого подлежали лишь золотые и серебряные орденские кресты, а также золотая цепь ордена Св. Андрея Первозванного. Другие знаки орденов — шитые звёзды и ленты за малой ценностью не сдавались. При этом хорошо сохранившиеся кресты преданно начали сдавались для выдачи новым кавалерам,

М.И. Кутузов

«ветхие и порченые» направлялись сначала «в починку», после чего также использовались для новых выдач. Непригодные к повторному использованию сдавались на Монетный двор для переплавки, а тот выплачивал Капитулу стоимость извлечённого из них золота и серебра. Эти средства шли на заказ новых орденских крестов и знаков.

Что касается наград М.И. Кутузова, то в своё время в отношении их судьбы развернулась серьёзная полемика. Так, в 1995 году была фактически официально выдвинута версия, что все ордена великого полководца после его смерти якобы бережно хранились сначала у второй дочери Кутузова Анны Михайловны (по мужу — Хитрово), затем у её потомков, а после революции 1917 года родственники полководца выбросили награды в Фонтанку, чтобы те не достались большевикам. Эта версия была озвучена в сентябре 1995 года на серьёзной научной конференции, посвящённой 250-летию со дня рождения фельдмаршала⁵.

Между тем эта гипотеза не выдерживает никакой критики. Обратимся к сохранившимся в архивах документам Орденского Капитула. Они гласят, что после смерти М.И. Кутузова, последовавшей 16(28) апре-

УСТАВЫ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ

Аннотация. В статье рассматриваются разработка уставов Сухопутных войск РККА, их изменения и практика применения в боевой обстановке на примерах разгрома японских войск у реки Халхин-Гол в 1939 году и Курской битвы 1943 года.

Ключевые слова: Полевой устав РККА; Боевой устав пехоты Красной армии; боевые порядки войск; Халхин-Гол; Курская битва.

Summary. The article deals with development of the regulations of the Land Force of the Red Army, their changes and practical use in combat situations on the examples of the defeat of Japanese forces at the river of Halkhin-Gol in 1939 and the Battle of Kursk in 1943.

Keywords: Field Service Regulations of the Red Army; Field Manual of the Red Army Infantry; combat orders of troops; Halkhin-Gol; Battle of Kursk.

В предыдущей публикации мы рассказывали об уставах, которыми руководствовались сухопутные силы русской армии со времён Петра I до 1917 года. В данной статье речь идёт об уставах РККА с 1918 года до окончания Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

С ПОБЕДОЙ Октябрьской революции в армии были отменены не только прежние воинские звания и награды, но и вся организационная система, в том числе и воинские уставы. Однако очень скоро выяснилось, что без руководящих документов, определяющих основы боевых действий, принципы боевого применения сил и средств управления войсками и их всестороннего обеспечения, регулярная армия обойтись не может. Поэтому Всероссийский главный штаб начал разработку новых уставов и наставлений.

В январе 1919 года ВЦИК утвердил «Полевой устав РККА», а в 1920 году был принят «Краткий полевой устав». Положения первых уставов заимствовались из уставов русской армии, изданных в 1908—1916 гг., так как в условиях Гражданской войны времени на их разработку практически не имелось. Вместе с тем целый ряд статей первых уставов не соответствовал реальным способам ведения боевых действий в ходе Гражданской войны. Так, в наступлении боевые порядки состояли не из боевых участков и общего резерва, а строились по направлениям в составе частей и соединений, оборона носила не позиционный, а манёвренный характер.

Обширность театров военных действий, растянутость соединений противника на широком фронте, наличие слабо прикрытых или совсем не занятых войсками участков, которые использовались кавалерийскими соединениями для выхода на фланги и совершения глубоких рейдов в тыл противника, способствовали повышению роли кавалерии, которая стала мощной ударной силой Красной армии, способной решать важные оперативные задачи как самостоятельно, так и во взаимодействии со стрелковыми частями.

После окончания Гражданской войны в рамках проведения военной реформы 1924—1925 гг. начинается планомерная разработка новых уставов и наставлений, появляется такое понятие, как «боевые уставы»¹.

В октябре 1924 года вводятся новые единые штаты стрелкового корпуса и стрелковой дивизии; в качестве высших тактических соедине-

ний общевойскового типа создаются стрелковые корпуса в составе трёх стрелковых дивизий, полевого и паркового артиллерийских дивизионов, сапёрной роты и батальона связи. В составе стрелковой дивизии утверждаются три стрелковых полка, отдельный кавалерийский эскадрон, лёгкий артиллерийский полк, сапёрная рота и инженерный парк, а также рота связи, парковый артиллерийский дивизион. В 1927 году разрабатывается новый «Боевой устав пехоты РККА», наиболее полно учитывавший опыт Первой мировой и Гражданской войн, уделявший значительное внимание организации взаимодействия пехоты с другими родами войск (артиллерией, бронечастями и авиацией), применению химических средств, маскировке и сапёрной службе в бою.

Новый устав определял пехоту как самый многочисленный род войск, в наибольшей степени отражающий боевую мощь армии. Согласно ему успешные действия пехоты должны предопределять конечный успех боя и сражения, так что боевые действия пехоты всё больше приобретали формы общевойскового боя².

Согласно Боевому уставу в наступательном бою вводился новый боевой порядок пехоты, который включал: ударную группу (не менее 2/3 всех сил боевого порядка); сковывающую группу (до 1/3 всех сил боевого порядка); резерв (до 1/9 всех сил боевого порядка); огневые группы (артиллерия и станковые пулемёты). В оборонительном бою боевой порядок оставался таким же. При этом сковывающая группа составляла до 2/3 всех сил боевого порядка, а ударная — не менее 1/3. Ширина фронта наступления для батальона не указывалась. Для роты она составляла 300—400 м, для взвода — в среднем около 150 м³.

Уставом определялось, что успех наступательного боя пехоты зависит «от умелого применения ею движения, огня и их сочетания — манёвра». Манёвр заключался «в выборе наиболее удобных в боевом отношении строёв, направления и пути их движения». Целью манёвра являлся «охват или обход фланга (флангов) противника, а при невозможности этого — прорыв»⁴.

В обороне батальону, роте и взводу назначались свои районы. Площадь батальонного района составляла от 1000 x 1000 м до 2000 x 2000 м; ротного — от 500 x 500 м до 1000 x 1000 м; взводного — до 500 x 500 м. Подчёркивалось, что наиболее важные районы обороны должны быть узкими по фронту с глубоким эшелонированием частей⁵. При обороне на широком фронте район

РОЛЬ «СТАЦИОНЕРОВ» В ДЕМОНСТРАЦИИ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ РОССИИ НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

(30—50-е годы XIX в.)

Аннотация. В статье на основе архивных документов исследуется стационарная служба военного флота России в Средиземном море в 1830—1850 гг.

Ключевые слова: национальные интересы; Средиземноморье; «стационары»; боевая служба и дипломатия.

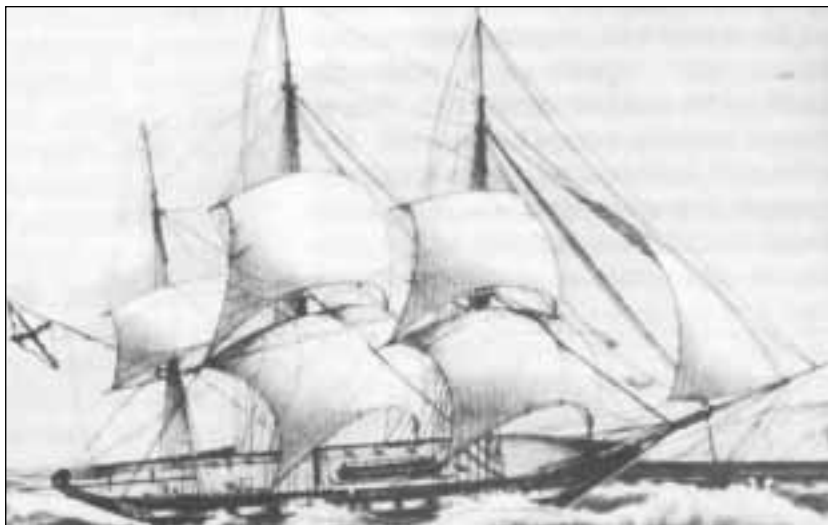
Summary. This article, based on archival documents, examines the visiting activities of the warships («stationers») of the Russian Navy in the Mediterranean Sea in the 1830—1850s.

Keywords: national interests; the Mediterranean; «stationers»; combat service and diplomacy.

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ в течение многих десятилетий было и продолжает оставаться сферой национальных интересов России. Причиной этого являются устойчивые политические, экономические и культурные связи, соединяющие страны этого региона с нашим государством.

Начиная с последней трети XVIII века отечественный Военно-морской флот неизменно выступал в качестве активного и эффективного инструмента внешней политики России в Средиземноморье. В военные годы на Средиземном море успешно действовали мощные эскадры известных российских адмиралов Г.А. Спиридова, Ф.Ф. Ушакова и Д.Н. Сенявина. В мирное время демонстрация военного присутствия осуществлялась небольшими отрядами кораблей, количественный состав которых зависел от конкретной политической ситуации. При отсутствии конфликтов и наличии стабильной, благоприятной для России международной обстановки либо вследствие финансовых затруднений, не позволявших содержать значительные морские силы вдали от своих баз, сюда направлялись два—три корабля.

Поскольку для российской дипломатии одной из наиболее острых проблем являлся «восточный вопрос», корабли в течение длительного времени находились прежде всего в Буюк-дере и Пирее, выполняя распоряжения глав российских посольства и дипломатической миссии в Османской империи и королевстве Греции соответственно. Согласно определениям современных энциклопедий и словарей такие корабли (суда), называемые «стаци-

Парусный корвет

онерами»*, постоянно находились на стоянке (станции) в иностранном порту¹. Исследование архивных документов говорит о том, что «стационары» часто выходили в море и активно использовались для решения широкого круга задач, которые на месте определялись российскими дипломатами.

После окончания Наполеоновских войн (1815 г.) интерес России к присутствию своих кораблей в портах Средиземного моря временно пропал. Лишь к концу 20-х годов XIX века Николай I возобновил активную внешнюю политику в этом регионе, привлекая для достижения стратегических целей отечественный ВМФ². К традиционным российско-турецким противоречиям в вопросах торгового судоходства по Черноморским проливам и положения Дунайских княжеств добавилась к тому времени проблема борьбы греческого народа за свою неза-

висимость³. Эскалация конфликта на Балканах привела к созданию англо-франко-российского союза, результатом деятельности которого в 1827 году явился разгром турецкого флота в Наваринской бухте и последующая эвакуация войск султана из Греции. Эти события, а также победа России над Турцией в войне 1828—1829 гг. позволили значительно сократить силы отечественного флота в Средиземном море. В июне 1830-го в греческих водах курсировали два линейных корабля, два фрегата и три брига⁴. При необходимости отдельные корабли выделялись в распоряжение российской дипломатической миссии в Греции и посольства в Османской империи, выполняя указания графа В.Н. Панина, барона П.И. Рикмана, посланника Г.А. Катакази и посла А.П. Бутенева. В дальнейшем состав корабельного отряда продолжал изменяться. Так, в начале 1831 года по повелению Николая I в распоряжении вице-адмирала П.И. Рикорда должны были находиться пять брига

* В официальных документах двух министерств (морского и иностранных дел) с конца XIX до начала XX в. употреблялся термин «стационары».

ПРЕСЕЧЕНИЕ ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920-е ГОДЫ

Аннотация. В статье на основе архивных источников раскрывается роль пограничной охраны ОГПУ в пресечении разведывательно-подрывной деятельности антисоветских сил на дальневосточных рубежах страны в 20-е годы прошлого века.

Ключевые слова: Пограничная охрана ОГПУ; Дальний Восток; белоэмигрантские диверсионные группы; подрывные акции; разведывательная и диверсионно-террористическая деятельность.

Summary. This article, based on archival sources, reveals the role of the OGPU border guards in suppression of the intelligence and subversive activities of anti-Soviet forces in the Far Eastern borders of the country in the 20s of the last century.

Keywords: BG OGPU; Far East; White emigre subversive groups; subversive actions; intelligence; sabotage and terrorist activities.

ОСЛЕ утверждения советской власти на Дальнем Востоке (1922 г.) значительная часть её противников, участников так называемого Белого движения, сосредоточилась в Маньчжурии. Как отмечает один из современных исследователей рассматриваемой темы, их численность «по данным различных источников... составляла до 200 тыс. человек»¹. Так что об окончании Гражданской войны и интервенции в России (1918—1920 гг.), о чём свидетельствуют официальные справочные издания, было в то время трудно говорить: борьба против Республики советов не прекращалась. Те же белоэмигранты, оказавшиеся за рубежом, создали при поддержке иностранных спецслужб различные военно-политические организации. Их устремления направлялись на свержение советской власти путём проведения пропагандистских, провокационных, разведывательных, террористических акций². Преследуя эти цели, они готовили агентов, эмиссаров, вооружённые подразделения («белопартизанские отряды»), диверсионные группы. Например, многочисленная белоэмигрантская диаспора в Северо-Восточном Китае, находившаяся не только под влиянием, но и контролем иностранных, особенно японских и китайских, спецслужб, использовалась враждебным зарубежьем для подрывной деятельности³, а из остатков эвакуированных после поражения в Маньчжурию и Китай белых армий сколачивались боевые формирования для

засылки на советскую территорию.

В 1923—1925 гг. отмечалась активность белоэмигрантских отрядов по организации диверсий на железной дороге советского Дальнего Востока. Так, 26 июня 1923 года в Приморье на перегоне Уссури-Прохаско засланные белоэмигрантами диверсанты положили на полотно железной дороги рельсы и шпалы. Лишь благодаря бдительности машиниста удалось избежать крушения товарного поезда. В ночь на 27 июня была обстреляна охрана моста через р. Хор около Хабаровска. В июне—июле 1923-го отряд под командованием бывших белых офицеров Филиппова и Кочмарёва захватил ст. Дарасун в Забайкалье, разбил телеграфные аппараты, прервал движение поездов. В феврале 1924-го судебный процесс над захваченными Кочмарёвым и его помощником Якимовым показал, что диверсионными действиями руководил есаул Филиппов, один из ответственных исполнителей генерала Шильникова по созданию специальных групп для дезорганизации работы железнодорожного транспорта. В конце августа 1923 года при нападении на ст. Белогорск Амурской ж.д. белоэмигрантскими отрядами была сожжена водочка и выведен из строя телеграфный аппарат, на разъезде 485-й версты Уссурийской ж.д. были разбиты аппараты связи, уничтожены стационарные постройки, сожжён деревянный мост.

В последующем террористические действия ещё больше усилились. То и дело совер-

Белоэмигрантские пропагандистские и агитационные издания

шались налёты на железнодорожные станции и разъезды, сжигались мосты (в Спасском, Никольск-Уссурийском уездах, Ольгинском районе). В январе 1924 года белоэмигрантские формирования прервали железнодорожное сообщение с Благовещенском: в 18 км от города подпилили мост, который обрушился вместе с паровозом, в результате чего погибли машинист и кочегар. В мае было совершено нападение на охрану моста через реку около Бикина, в августе разоружили охрану на железнодорожных мостах через реки Иман и Уссури; на магистрали Владивосток — Хабаровск происходили обстрелы пассажирских поездов, на реках — пароходов.

Увеличилось количество крушений поездов из-за диверсий в Забайкалье. Так, в районе ст. Карымская отряд

«РАСА ГОСПОД»: ВЫБОР ГЛАВНОГО ВРАГА

Новации англосаксонизма в дальневосточном соперничестве Британии с Россией на рубеже XIX—XX вв.

Аннотация. В статье представлены результаты анализа идей англосаксонизма, появившихся на рубеже XIX—XX вв. в ходе британо-русского соперничества в Китае, в которое Великобритания вовлекла США. Они привели к появлению новых черт теории и практики британской и американской внешней политики, способствовавшей развязыванию Русско-японской войны 1904—1905 гг., и определили векторы развития внешнеполитической стратегии двух англосаксонских стран на длительную перспективу.

Ключевые слова: Россия; Великобритания (Британия, Англия); США; англосаксонское доминирование; Русско-японская война 1904—1905 гг.

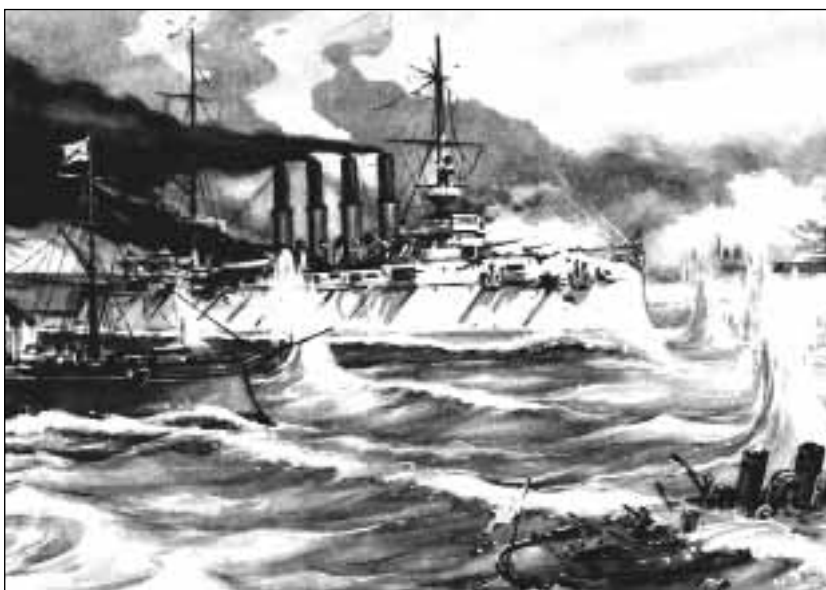
Summary. The article presents the results of the analysis of ideas of the Anglo-Saxon fundamentalism appearing in the XIX—XX centuries in the British-Russian rivalry in China, in which Britain drew the United States. They led to new features of the theory and practice of British and American foreign policies, which contributed to the outbreak of the Russian-Japanese war of 1904—1905, and determined the vectors of foreign policy strategy of the two Anglo-Saxon countries in the long term.

Keywords: Russia; Great Britain (Britain, England); USA; Anglo-Saxon dominance; Russian-Japanese war of 1904—1905.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ война была развязана оружием, вложенным в руки агрессора Британией. Первые удары по русскому флоту нанесли построенные в ней боевые корабли. В их числе — флагманский истребитель (эскадренный миноносец) «Сиракумо»¹, начавший атаку на русскую эскадру на рейде Порт-Артура, и крейсера японской эскадры, которые блокировали «Варяг» и «Кореец» в порту Чемульпо и навязали им неравный бой. Этот нюанс носит знаковый характер, так как без военно-политического союза с Альбионом, масштабной британской и американской помощи и поддержки Япония не смогла бы достичь превосходства над военными силами России на Дальнем Востоке.

Роль Британии в Русско-японской войне стала очередным примером реализации многовековых принципов её внешней политики: «Со времен Тюдоров² (конец XV в. — **С.П., С.М.**)... Британия стремилась... разделять путём соперничества великие континентальные державы, — констатировал известный британский военный историк и теоретик Дж. Фуллер. — Врагом становилось не самое плохое государство, а то, которое больше, чем остальные, угрожало Британии или её империи. Так как такое государство обычно было сильнейшим из континентальных держав, британские государственные деятели в мирное время были на стороне второго по силе государства или группы государств... целью войны было... ослабление сильнейшего государства... Как только достигалось нужное ослабление, начинались переговоры о мире»³.

Политика Лондона при подготовке и в ходе Русско-японской войны была связана с ментали-

Последний бой крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец»

тетом британцев, основанным на постулатах англосаксонизма (англосаксонского национал-шовинизма), убеждённости в превосходстве «богоизбранной» англосаксонской «расы господ». «При этом важнее всего, что религиозное учение о предопределении (почерпнутое ими из Ветхого Завета) трансформировалось у них в выраженное расовое сознание, — восторгались близкими им расовыми принципами англосаксонского шовинизма пропагандисты германского фашизма⁴. — Уже не как протестант, но как англосакс он [англичанин] считает себя избранным для власти над миром... Власть над миром стала для него важнейшей частью его земного призвания»⁵.

Теория национально-расового доминирования стала идеологическим фундаментом захватнической политики Британии, превратившей её в крупнейшую колониальную империю. В послед-

ней четверти XIX века одним из важных направлений её экспансии был Китай. Борцы за англосаксонское господство считали Россию главным своим соперником в Азии и единственным в мире, чьи позиции позволяли игнорировать влияние Британии: «Со времени Трафальгарской битвы (21 октября 1805 г. — **С.П., С.М.**)... Британия являлась арбитром во всех конфликтах, порождаемых заморской колониальной политикой других европейских держав. Только Россия, обладая сухопутной связью с Азией, была в состоянии пренебрегать британской гегемонией»⁶.

К преимуществам России британцы относили её военную мощь, иммунитет от вторжений, обеспеченный обширными территориями с плохим оборудованными доступами с морей, и почти самодостаточную экономику. Они

ДЫМОВАЯ МАСКИРОВКА МОСТОВ ПОСЛЕ ПРОРЫВА БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Аннотация. В статье исследуются результаты дымовой маскировки мостов через р. Неву после прорыва блокады Ленинграда (1943 г.).

Ключевые слова: Ленинградский фронт; химические подразделения; вражеские огневые налёты; дымопуски; мосты и переправы.

Summary. This article studies the results of the smoke masking of bridges over Neva river after breaking the siege of Leningrad (1943).

Keywords: Leningrad Front; chemical units; enemy fire raids; smoke launches; bridges and ferries.

В ЯНВАРЕ 1943 года частичный прорыв на узком участке (южное побережье Ладожского озера) блокады Ленинграда позволил соединить осаждённый город со страной. Однако это не решило полностью проблему снабжения войск и горожан всем необходимым, поскольку железнодорожная линия Ленинград — Волхов в районе ст. Мги продолжала удерживаться противником. Сковывала работу транспорта, помимо того, постоянная угроза вражеских воздушных налётов и артиллерийских обстрелов. Особой опасности при этом подвергались мосты через р. Неву.

2 апреля 1943 года начальник химического отдела Ленинградского фронта (ЛФ) генерал-майор А.Г. Власов доложил начальнику штаба генерал-лейтенанту Д.Н. Гусеву о проверке готовности сил и средств 64-го отдельного батальона химической защиты для маскировки дымом мостов в районе Шлиссельбурга. В донесении сообщалось: «С целью создания маневренного резерва машин на случай перемены направления ветра в имеющуюся в распоряжении 67-й армии роту АРСов* добавлен ещё один взвод АРСов в количестве 5 машин. Кроме того, командованием армии выделены начальнику химотдела армии химрота... и химвзвод... для организации дымопуска при помощи шашек»¹. Характеризуя готовность химических подразделений, Власов отмечал, что они «вполне могут выполнить поставленную перед ними задачу по задымлению мостов в момент артобстрела и авианалёта»².

Неделю спустя для надёжно-го выполнения спецзадания и в связи с увеличением светлого времени суток из состава 84-го отдельного батальона химической защиты (обхз) согласно приказанию начальника штаба ЛФ была сформирована химгруппа (80 человек и 13 машин), обеспечивавшая маскировку

Схема расположения дымовых средств в районе Шлиссельбурга

объектов «в районе Шлиссельбург — Липки»³.

Согласно «Плану дымового обеспечения ж.д. мостов через реку Неву в районе Шлиссельбург с 1.05.[19]43 г.»⁴ целью работы «дымовиков» было «прикрыть дымом ж.д. мосты от наблюдения воздушных корректировщиков и налёта самолётов противника». Достигалась она решением следующих задач: «задымить [объекты] при появлении самолётов-корректировщиков»; «прикрыть [их] от наблюдения корректировщика-аэростата»; «прикрыть мосты дымом от налёта бомбардировочной авиации противника». Для выполнения задачи на месяц боевой деятельности, согласно расчётам, требовалось дымсмеси С-4 — 264 т, дымовых шашек ДМ-11 (ДМ-4) — 33 тыс. штук. Работа специальных машин, транспортировка и перезарядка дымовых средств (также на месяц) обеспечивались 4642 кг бензина, 285 кг автола и 60 кг солидола.

Маскировку мостов при разных направлениях и скоростях ветра предусматривалось проводить на нескольких рубежах и в разных точках дымопуска. Так, на правом берегу намечалось установить 4 АРСа (см. схему), опре-

делив им следующие задачи: точки № 1 и № 2 (подвижные) должны производить дымопуск при западном, северо-западном и юго-западном направлениях ветра; № 3 (подвижная) и № 4 (неподвижная) — при северном, северо-восточном, западном и северо-западном. Выделялся и рубеж, снабжавшийся дымшашками ДМ-11 или ДМ-4 (по фронту — 1 км). Его границы обозначались так: справа — овраг (0,6 км юго-западнее основного ж.д. моста), слева — открытое пространство (0,4 км восточнее основного моста). Очагов дымопуска наместили 40 с интервалами между ними 25 м; на каждом (в одну очередь) должны были сжигать по 4—5 шашек в течение 6—7 мин при северном, северо-западном и северо-восточном ветрах.

Столько же АРСов (4) обеспечивали бы маскировку в точках и на левом берегу, кроме 2 курсирующих и 2 резервных станций. Задачи им надлежало выполнять в точках № 5 (подвижная) при восточном и северо-восточном ветрах и № 6 (неподвижная) при юго-восточном и северо-восточном**, № 7 (кур-

* Автомобильная разливочная станция, предназначенная для временного хранения и перевозки дымовой смеси и дегазирующих растворов, а также снаряжения ими различных ёмкостей.

** При восточном ветре в точке № 6 ставилась отсечная маскирующая дымовая завеса (МДЗ); её применяли также в других точках: № 7 — при северо-восточном, № 8 — при южном и № 9 — при западном направлении ветра.

СВЯЗЬ В ВЫСШИХ ЗВЕНЬЯХ УПРАВЛЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ В 1941—1945 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются принципы организации связи в высших органах управления германской армии в годы Великой Отечественной войны, а также применявшиеся при этом силы и средства.

Ключевые слова: органы высшего командования вермахта; части и подразделения войск связи; телефонный и телеграфный буквопечатающий аппараты; коммутатор; шифровальная машина типа «Энигма».

Summary. The article considers the principles of signal communications in the higher levels of control in the German army during Great Patriotic war, as well as the forces and resources applied herewith.

Keywords: higher Wehrmacht command bodies; units and subunits of signal communications troops; telephone and teleprinter; switch; cipher device of the "Enigma" class.

НАЧАЛО Второй мировой войны показало, что успехи германской армии в Европе во многом обусловлены не только передовыми формами и способами ведения военных действий, но и более совершенными, чем у противника, принципами управления войсками, которые достигались применением современных (на то время) технологий обмена информацией и обеспечения связи.

Во второй половине 1943 года на советско-германском фронте немецкое командование окончательно потеряло стратегическую инициативу, и советские войска, нанося вермахту поражение за поражением, стали уверенно продвигаться к границам Германии. Однако, по свидетельству ряда источников¹, система связи в высших звеньях управления германской армии продолжала функционировать относительно устойчиво вплоть до окончания войны. Почему? За счёт каких составляющих могла достигаться эта устойчивость?

Представляется, что в какой-то степени ответ на поставленный вопрос даст подробное рассмотрение принципов организации связи в германской армии, организационной структуры войск связи, их технической оснащённости и способов применения в ходе боевых действий.

Так, из ряда источников² известно, что в основу организации связи в немецкой армии были положены следующие принципы: «связь сверху вниз», «связь слева направо»³ и «связь от пехоты (общевойсковых соединений) к родам войск»⁴.

Сущность этих принципов заключалась в следующем:

на высший штаб возлагалась ответственность за установление и поддержание связи с подчинёнными. Вместе с тем это не освобождало последних от организации связи своими средствами, если по каким-либо причинам вышестоящий штаб установить связь своевременно не мог;

связь взаимодействия по фронту организовывалась от левого соседа к правому. В случае же отсутствия её правый сосед обязан был установить связь своими средства-

**Аппаратная армейского узла связи.
Слева — шифровальная машина «Энигма»**

ми. При взаимодействии крупных пехотных, танковых формирований и артиллерии с авиацией ответственным за организацию связи являлся общевойсковой штаб, планировавший и проводивший операцию;

за установление связи с подчинённой артиллерией, инженерными частями ответственность возлагалась на командиров и штабы пехотных соединений.

Задачи по организации связи высшему командованию германских сухопутных сил были возложены на соответствующих начальников связи: главного командования сухопутных сил (ОКХ), групп армий, армейских, танковых и моторизованных корпусов, различных типов дивизий (пехотных, танковых и др.). При этом должности начальников связи корпусов и дивизий были совмещены с должностями командиров штатных корпусных и дивизионных частей связи соответственно.

Вопросами связи на театре военных действий (ТВД) ведал начальник связи главного командования сухопутных сил со своим штабом, который подчинялся 4-му оберквартирмейстеру генерального штаба. Начальник связи сухопутных сил являлся одновременно и начальником связи вермахта.

Поэтому в его распоряжении находился и отдел связи верховного главнокомандования (ОКВ), руководивший службой связи всех трёх видов вооружённых сил.

Примечателен тот факт, что начальники связи занимались исключительно вопросами организации связи и никакими другими задачами обременены не были. Так, за подготовку и комплектование войск связи специалистами отвечал штаб армии резерва, в котором имелась соответствующая структура, а именно начальник отделения войск связи (отдела комплектования и устройства службы войск). Кроме того, в распоряжении командующего армией резерва находился генерал-инспектор войск связи со своим аппаратом. На него возлагались: «контроль за ходом боевой подготовки войск связи в соответствии с указаниями начальника генерального штаба сухопутных сил; изучение и обобщение боевого опыта действующей армии путём поездок на фронты; руководство разработкой уставов и наставлений...»⁵. Задачи по снабжению имуществом и техникой связи решались тыловыми органами штабов. При этом склады средств связи имелись только в ОКХ и армиях (танковых группах). Штабы групп армий вопросами

НАСТАВНИКИ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

Аннотация. В статье говорится о становлении и эволюции системы домашнего воспитания и образования при дворе российских монархов в конце XVII—XIX вв.

Ключевые слова: Российская императорская фамилия; российские военные деятели; наставники и преподаватели великих князей; педагогическая деятельность; становление системы домашнего воспитания и образования.

Summary. The article describes formation and evolution of the system of home care and education at the court of the Russian monarchs in the late seventeenth to nineteenth centuries.

Keywords: Russian imperial family; Russian military leaders; mentors and teachers of the Great Princes; educational activities; development of home care and education.

С О ВТОРОЙ половине XVII века на смену дядькам-воспитателям при дворе российских монархов начинают привлекаться профессиональные воспитатели и педагоги, в числе которых особое место занимают офицеры и генералы, причём как иностранцы, так и русские¹. Военные занимались и воспитанием царских детей, и выступали в качестве учителей по отдельным предметам. На первом этапе осваивались дисциплины, входившие в круг общеобразовательных, на втором — преимущественно специальные знания по военным вопросам, включая тактику и стратегию.

Лиц, совмещавших обязанности воспитателя и учителя, было немного. По нашим данным, это П.Г. Менезиус, флигель-адъютант при Петре III; воспитатель и учитель математики царевича Павла Петровича С.А. Порошин и подполковник П.В. Петров — воспитатель и старший учитель детей Николая II и учитель русского языка наследника цесаревича Алексея Николаевича.

От периода к периоду число военных воспитателей и наставников при дворе неуклонно росло. Так, если во второй половине XVII — первой половине XVIII века из всех домашних воспитателей и педагогов общим числом 21 человек было всего четверо военных, то во второй половине XIX — начале XX века из 37 педагогов военных насчитывалось уже 18 человек.

При этом нельзя не отметить, что существовавший долгие десятилетия миф об однобоком и чаще всего прямолинейном (солдафонском) складе характера российских

монархов, их резко отрицательных качествах личности, во многом определявшейся системой воспитания и образования, не выдерживает проверки фактами. Как правило, российские монархи проходили, особенно с начала XIX столетия, все стадии серьёзного высокопрофессионального образования и воспитания, ибо их наставниками являлись, кроме военных, служители церкви, выдающиеся в своих областях специалисты, учёные с мировым именем, талантливые представители литературы и искусства. Назовём хотя бы некоторых из них. Это знаменитый проповедник и государственный деятель, сподвижник Петра I, архиепископ Русской православной церкви, богослов Феофан Прокопович; известный филолог и поэт Г.А. Глинка; поэт, близкий друг А.С. Пушкина В.А. Жуковский; директор Московского университета И.П. Тургенев; академик Петербургской академии наук Х. Гольдбах; знаменитый ботаник К.Б. Триниус; выдающийся государственный деятель граф М.М. Сперанский; министр финансов граф Е.Ф. Канкрин; известный экономист, вице-президент Петербургской АН Г. Шторх; академик, редактор (после А.С. Пушкина) журнала «Современник» П.А. Плетнёв; знаменитый географ академик К.А. Арсеньев; историк С.М. Соловьёв; исследователь Центральной Азии Н.М. Пржевальский² и ряд других выдающихся деятелей науки и искусства, в том числе и писатель И.А. Гончаров.

Что касается воинских чинов, то в их числе тоже были люди весьма известные. К наиболее заметным фигурам

К.И. Опперман
Портрет Дж. Дону

относились генерал-поручик граф Н.И. Панин; участник перехода А.В. Суворова через Альпы генерал-лейтенант А.Н. Алединский; член Государственного совета генерал-адъютант М.И. Ламздорф; генерал от инфантерии П.П. Ушаков; почётный член Николаевской морской академии и вице-председатель императорского палестинского общества Д.С. Арсеньев; русский военный теоретик и педагог, военный писатель генерал от инфантерии М.И. Драгомиров; российский флотоводец, географ вице-адмирал В.Г. Басаргин; заслуженный профессор Михайловской артиллерийской академии генерал от артиллерии Н.А. Демьяненко; профессор Академии Генерального штаба, управляющий делами Военно-учёного комитета, почётный член Императорской академии наук, начальник российского Генерального штаба генерал от инфан-

ГАЗЕТА ПОЕЗДА Л.Д. ТРОЦКОГО «В ПУТИ»

Аннотация. Автор анализирует содержание выпускавшейся в 1918–1921 гг. газеты поезда народного комиссара по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого «В пути».

Ключевые слова: Гражданская война в России; Красная армия; поезд Л.Д. Троцкого; военная печать; газета «В пути».

Summary. The author analyzes the content of the newspaper "On the way" of the train of L.D. Trotsky, the People's Commissar for Military and Naval Affairs, Chairman of the Revolutionary Military Council of the Republic, released in 1918–1921.

Keywords: Civil war in Russia; Red army; train of L.D. Trotsky; military press; newspaper "On the way".

НАЧАЛУ Гражданской войны в России опыт использования военной печати для воздействия на военнослужащих накопили не только царские государственные структуры, но и пришедшие к власти бывшие оппозиционные политические силы. Организации Российской социал-демократической рабочей партии освещали свою военно-боевую работу в общепартийной печати до революции 1905—1907 гг., после её начала создали газеты для солдат. В апреле—мае 1917 года был организован выпуск большевистских военных газет. Наряду с центральной «Солдатской правдой» они выходили на Северном, Западном, Юго-Западном фронтах, базах флота и в крупных городах¹. Вскоре после победы Октябрьской революции возникла советская военная печать. 21 ноября (4 декабря) 1917 года вышел первый номер центральной военной газеты «Армия и Флот рабочей и крестьянской России»². В годы Гражданской войны в РККА выпускались фронтовые, флотские, армейские и дивизионные газеты, часть изданий выходила в полках и батальонах, в 1918 году издавались свыше 90 военных газет и журналов³.

Среди советской военной периодики того времени было не совсем обычное издание — газета «В пути». Её печатала типография бронепоезда, сформированного для поезда народного комиссара по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого летом 1918 года, в период, который он назвал «первым валом контрреволюции»⁴. Этот поезд, как писал Троцкий, «связывал фронт и тыл, разрешал на месте неотложные вопросы, просвещал, призывал, снабжал, карал и награждал»⁵. За годы Гражданской войны он совершил 36 рейсов, прошёл свыше 105 тыс. км, был не только «летучим штабом», но и орудием пропаганды. А созданию эффективного пропагандистского аппарата Красной армии Троцкий уделял особое внимание. Он подчёркивал: «Каждый поезд, который приносил 10—15 или 20 коммунистов на фронт вместе с запасом литературы, был так же дорог, как по-

езд, который приносил хороший полк или богатый запас артиллерии»⁶.

Троцкий утверждал: «Преимуществом нашей пропаганды является её содержание. Наша пропаганда неизменно спланировала Красную Армию, разлагая армию противника не какими-либо особыми техническими способами и приёмами, а коммунистической идеей, составляющей содержание этой пропаганды»⁷. «Сильнейшим цементом новой армии, — по его словам, — были идеи Октябрьской революции. Поезд снабжал этим цементом фронты»⁸. Газета «В пути» была одним из средств доставки идеологического «цемента» войскам Красной армии и населению регионов, в которых разворачивались боевые действия.

Как отмечал историк Р.А. Медведев, «Троцкий был единственным из советско-большевистских лидеров, кто в 1918—1920 годах издавал собственную газету «В пути», где большая часть материалов была написана им самим»⁹. К началу Гражданской войны Троцкий обладал многолетним журналистским опытом. В автобиографической книге «Моя жизнь» вспоминал: «Начиная с 1897 г. я вёл борьбу преимущественно с пером в руках»¹⁰. Он стал одним из публицистов, перо которого, по образному выражению советского политического деятеля и журналиста К.Б. Радека, «революция перековала в меч»¹¹. Известный учёный Д.А. Волкогонов считал: «Троцкий бы не был самим собой, если бы не организовал на своём поезде выпуск поезда газет»¹².

Она издавалась силами созданного в поезде политического отдела. Редакцией заведовал бывший командир московского учебного батальона Д.И. Березовский, который одновременно готовил обзорные материалы о положении на фронтах для «Известий ВЦИК». Троцкий издал специальное предписание: «Всем штабам и учреждениям Военного ведомства оказывать тов. Березовскому в пределах порученных ему задач самое широкое содействие»¹³.

Начальник бронепоезда Троцкого в 1919—1920 гг. Р.А. Петер-

Газета поезда председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого «В пути» № 112 от 10 мая 1920 г.

сон, подробно описавший пропагандистскую работу аппарата поезда Троцкого, вспоминал, что газета «В пути» распространялась по штабам армий, дивизий, бригад, полков и «раздавалась также непосредственно красноармейцам на вокзалах, перепечатывалась в армейской, местной прессе и распространялась... по всей линии следования поезда. Это рассеивало нарочно распускаемые нелепые слухи о наступлении врага и другие небывлицы, и укрепляло наш тыл»¹⁴. Наряду со свежими номерами поезда газеты политотдел поезда распространял среди красноармейцев, рабочих и крестьян значительные количества других изданий, листовок, воззваний, которые шли на расхват.

Публикации «В пути» перепечатывали не только военные, местные издания, но и центральные — «Правда», «Известия ВЦИК». Наряду с Троцким на страницах поезда газеты выступали такие известные в то время авторы, как деятель французского рабочего движения, интернационалист Ж. Садуль, военный и государственный деятель Ф.Ф. Раскольников, журналистка и писательница Л.М. Рейснер, военачальник Ф.К.

ЕМУ ВЫПАЛА ЧЕСТЬ ВОЗГЛАВИТЬ КРАСНЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ

Аннотация. В историческом очерке исследуются боевая биография и жизненный путь одного из первых руководителей советских ВВС полковника А.С. Воротникова.

Ключевые слова: путь в авиацию; Русско-японская, Первая мировая и Гражданская войны; административная служба и преподавательская работа; научная деятельность.

Summary. The historical essay examines the combat biography and career of one of the first leaders of the Soviet Air Force Colonel A.S. Vorotnikov.

Keywords: way into aviation; Russian-Japanese War, World War I and Civil War; administrative service and teaching work; scientific work.

«Способный, серьёзный... всеми любимым и уважаемым... Выдающийся». Эти слова характеризовали российского военного лётчика А.С. Воротникова при его аттестовании в 1913 году. Ему также выпала честь возглавить Красный Воздушный флот в трудные годы Гражданской войны.

АЛЕКСАНДР Степанович Воротников родился 8 сентября* 1878 года в г. Екатеринославе (ныне Днепрпетровск, Украина). Достигнув призывного возраста (21 год), он на правах вольноопределяющегося 2-го разряда был зачислен на военную службу в 133-й пехотный Симферопольский полк. В 1900-м будущий военачальник успешно сдал вступительные экзамены в Чугуевское пехотное юнкерское училище. Спустя год выпускника-отличника в звании подпрапорщика зачислили в 121-й пехотный Пензенский полк.

В начале июня 1904-го полк выступил на Дальневосточный театр войны, где на просторах Маньчжурии столкнулись гео-

политические интересы России и Японии. Там Воротникову довелось участвовать до ранения в многочисленных боях (Ташичао, Ляолян, Мукден, Сандепу). После излечения в лазарете он временно руководил так называемой охотничьей командой, а затем был переведён в кавалерию. За личную храбрость и мужество А.С. Воротников (к тому времени подпоручик) удостоился 6 орденов.

По окончании Русско-японской войны (1904—1905 гг.) боевого офицера направили на административно-хозяйственную работу, а точнее, заведовать солдатской чайной лавкой. Это, конечно, его не устраивало, как и последующая должность полкового адъютанта. Вскоре он подал рапорт на перевод. Командование, высоко ценившее деловые качества А.С. Воротникова, предложило ему совместить обязанности адъютанта в одном из батальонов и начальника команды связи, на что он согласился.

В феврале 1911 года Воротников предпринял неудачную попытку поступить в Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба. В январе следующего года его отправили на учёбу в Офицерскую школу авиации отдела Воздушного флота (ОВФ, г. Севастополь), созданную по инициативе великого князя Александра Михайловича¹. Руководство школы сразу выделило способного боевого офицера из числа слушателей, предложив ему возглавить команду нижних чинов. Одновремен-

но Александр Степанович продолжал осваивать азы лётного мастерства. Так, в числе лучших пилотов школы он принял участие в ежегодных манаёврах Варшавского военного округа (1912 г.). Летом 1912-го он успешно сдал экзамены на звание лётчика², а в октябре выполнил квалификационную программу на присвоение звания «военный лётчик».

После выпуска новым местом службы Воротникова в Военном воздушном флоте (ВВФ) стала 7-я воздухоплавательная рота (г. Киев), где он вступил во временное командование её 1-м авиационным отрядом. В июле 1913 года после формирования 3-й авиационной роты штабс-капитан А.С. Воротников был назначен начальником 9-го корпусного авиаотряда (као) в её составе. Такое внимание к нему было не случайным. В его аттестации имелась всё объясняющая характеристика, данная ему начальником Офицерской школы авиации ОВФ полковником Генерального штаба князем А.А. Мурузи³. «Отличный военный лётчик... Выдающийся»⁴, — восторженно отзывался тот о своём воспитаннике. В новой должности Александр Степанович активно участвовал в организации популярных накануне Первой мировой войны дальних перелётов.

С объявлением 30 июля 1914 года всеобщей мобилизации в России авиаотряд был включён в состав 3-й армии Юго-Западного фронта. Вместе с ним в течение следующего месяца штабс-капитан А.С. Воротников активно уча-

* Здесь и далее все даты приводятся по новому стилю.

А.С. Воротников

ЧТОБЫ ЗВУЧАЛА МЕДЬ ОРКЕСТРОВ

Развитие штатов военных оркестров советского периода

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных материалов представлены основные изменения типовых штатов военных оркестров в период с 1918 по 1991 год.

Ключевые слова: военно-оркестровая служба; военный оркестр; капельмейстер; военный дирижёр.

Summary. This article, based on archival and published materials, informs about the major changes in typical staff of military orchestras from 1918 to 1991.

Keywords: military band service; military band; bandmaster; military conductor.

В ОФИЦИАЛЬНЫХ документах первых месяцев советской власти о военно-духовых оркестрах даже не упоминалось, хотя они и существовали. После расформирования старой армии лишь немногие из них сохранились и были переданы в распоряжение вновь созданных частей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

Организовывались и самодеятельные красноармейские маленькие духовые оркестры, преимущественно медного состава. Капельмейстер выбирался на общем собрании оркестра из числа наиболее авторитетных в профессиональном отношении музыкантов. Работа военных оркестров организовывалась по усмотрению местного командования, а часто и по желанию самих музыкантов.

Официальные документы свидетельствуют о том, что оркестры были разнообразны по своему численному составу. Так, утверждёнными в апреле 1918 года едиными штатами РККА предусматривалась организация образцового советского полка, в составе которого определялось содержание оркестра в количестве 66 человек (капельмейстер, 60 музыкантов и 5 человек вспомогательно-персонала)¹. Впервые сведения о правилах приёма музыкантов-красноармейцев в военный оркестр и условиях службы в нём появились тогда, когда в июле 1918 года был объявлен штат пехотного полка Рабоче-крестьянской Красной армии РСФСР, предусматривавший содержание оркестра численностью 42 человека (капельмейстер, старший музыкант, 30 музыкантов и 10 музыкантов-учеников)². А, например, временным штатом Киевского коммунистического резервного полка было определено содержание музыкантской команды в количестве 22 человек: капельмейстер, старшина и 20 музыкантов (приказ командующего войсками Киевского военного округа (КВО) № 25 от 9 мая 1919 г.).

Архивные документы, относящиеся к 1919 году, свидетельству-

ют также о разработке штатов и составов духовых оркестров для пехоты, артиллерии и кавалерии в частях КВО (предполагалась организация 40 военных оркестров), о наличии в Петроградском военном округе 16 духовых оркестров в среднем по 17—18 человек, о содержании в 25-й стрелковой дивизии (впоследствии названной Чапаевской) военного оркестра из 26 исполнителей.

В связи с хозяйственной разрухой в стране ещё не было налажено производство музыкальных инструментов для военных оркестров. Поэтому Музыкальное бюро в августе 1919 года установило минимальный состав духового оркестра для всех частей РККА — 23 человека.

Увеличение численности Красной армии и превращение её в массовую регулярную армию диктовали необходимость решения многих вопросов, связанных с организацией различных служб, в том числе и военно-оркестрового дела. Нужно было радикально упорядочить музыкальное дело в РККА, и в первую очередь реорганизовать военно-оркестровую

службу. В связи с этим Реввоенсовет Республики 31 августа 1920 года издал приказ № 1686, который отменил все ранее изданные приказы и распоряжения о военных оркестрах армии и флота и привёл их штаты в более стройную систему³. Так, устанавливались три штата духовых оркестров: оркестра усиленного состава «А» из 42 человек, пехотного оркестра «Б» из 26 человек и оркестра «В» (для кавалерии) из 18 человек.

Военные оркестры в пехотных частях фронта формировались по штату «Б», в кавалерии — «В». Для тыловых частей устанавливались как норма штаты «Б» и «В». Штат «А» мог быть введён только по ходатайству соответствующих политпросветотделов и с разрешения военно-окружного совещания (военного совета). Содержание музыкантских воспитанников при военных оркестрах данным приказом упразднялось.

Наряду с типовыми штатами организовывались и более крупные по численности военные оркестры. Например, приказом по КВО № 616 от 14 октября 1920 года был утверждён «Штат музы-

Военный оркестр под руководством генерал-майора С.А. Чернецкого на Первомайском параде 1946 г.

С ФЛАЖКАМИ НА КОПЬЯХ

Аннотация. В статье прослеживается история создания такого вида лёгкой кавалерии, как уланы, их традиции, организационные структуры, участие русских уланских полков в Отечественной войне 1812 года.

Ключевые слова: лёгкая кавалерия; уланы; Отечественная война 1812 года; Бородинское сражение.

Summary. The article traces the history of creation of such type of light cavalry as uhlans, their traditions, organizational structures, participation of Russian Lancers in the War of 1812.

Keywords: light cavalry; uhlans; Patriotic War of 1812; the Battle of Borodino.

УЛАНЫ как разновидность лёгкой кавалерии впервые появились в XIII—XIV вв. в монголо-татарском войске. Их название произошло от тюркского слова oghlon (oġlan) — юноша, молодой. Подобно членам русской «молодшей» дружины, эти молодые-огланы предназначались для разведки и прикрытия своих войск. По мере ослабления монголо-татарской державы значительное количество прежних кочевых воинов осело на территории Польско-Литовского государства. Из них в XVI веке и стали формироваться — сначала иррегулярные — отряды лёгкой татарской конницы. Постепенно забыв родной язык, польско-литовские татары сохранили название своих отрядов — «огланы», в польском языке переименовавшиеся в «уланы».

Уланы получили общую для польско-литовских конных отрядов — хоругвей организацию, во многом сохранявшую средневековые черты. Слово «хоругвь» (польск. chorągiew, от монгол. «оронго» — знак, знамя) в данном случае обозначает организационно-статистическую единицу в рыцарском войске средневековой Польши и Литвы, состоявшую из 25—80 копий, каждое из которых насчитывало 4—10 воинов: самого рыцаря, оруженосца, конных и пеших воинов, слуг рыцаря. В русском войске копьё состояло, как правило, из 10 всадников. В XVI—XVIII вв. хоругвью называлось подразделение в польско-литовской армии, соответствовавшее роте. Хоругви набирались по территориальному признаку и имели характерное деление личного состава на товарищей и почтовых. На этом, необычайно важном для дальнейшего повествования, делении остановимся подробнее.

Полноценным воином считался так называемый товарищ (towarzysz). Будучи дворянином (szlachcic), он при формировании роты-хоругви обязан был привести, как и в Средневеко-

вые, своё копьё, которое в Польше называлось «почт» (roszet), что переводится как свита. Воинов свиты товарища называли пахолик, что переводится не только как солдат, но и как слуга, наёмник, прислужник.

Следует отметить, что рыцарские традиции в Польско-Литовской республике сохранялись очень долго, и польское конное войско во многом имело средневековую организацию. В

К 200-летию Отечественной войны 1812 года

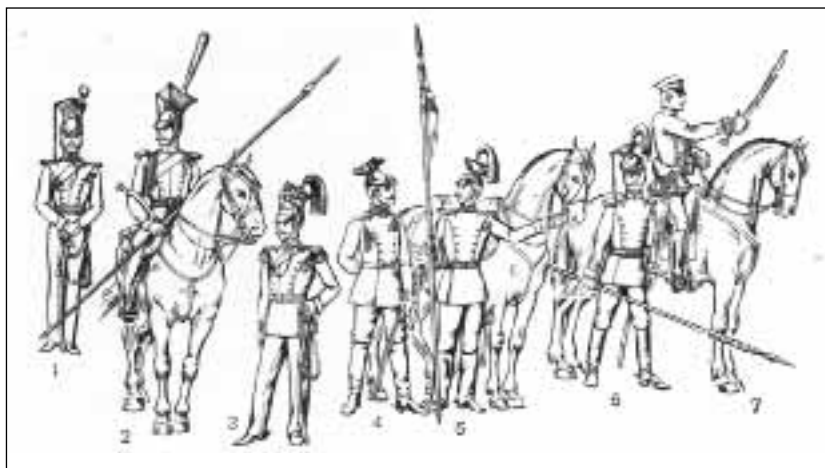
то время как в странах Западной Европы к началу XVII века практически отказались от использования конных копьеносцев, польско-литовская конница, в значительной своей части комплектовавшаяся мелкопоместными дворянами, т.е. профессиональными воинами-рыцарями, всё ещё применяла таранные удары копьями.

Атакуя противника, копьеносцы-товарищи, воору-

жённые длинными копьями с флажками, составляли первую шеренгу роты, иными словами — являлись основной ударной силой. Их пахолики формировали вторую и последующие шеренги, отчего к началу XVIII века получили собирательное обозначение шеренговых (szeregowy), т.е. тех, кто стоит в шеренге (русский термин «рядовый», позже ставший «рядовым», также напоминает именно о построении воинов). Эта традиция разделения строевых чинов на товарищей и шеренговых сохранялась в уланской коннице и позже, намного пережив различие в социальном статусе воинов.

В результате трёх разделов Польши между Пруссией, Австрией и Россией в 1722, 1793 и 1795 годах мелкопоместная шляхта, не имевшая средств к существованию, и польско-литовские татары, прежде состоявшие на военной службе, оказались не у дел. Именно для того, чтобы всех их чем-то занять, дать им «достойную организацию», русское правительство в 1797 году приняло ре-

Уланы русской армии. 1, 2 — Офицер и рядовой уланских полков в первой половине XIX в. 3 — Штаб-офицер уланского полка. 1856 г. 4, 5 — Рядовые уланских полков в 60—70-х гг. XIX в. (походная и парадная формы). 6 — Рядовой уланского полка. 1910 г. 7 — Офицер уланского полка в годы Первой мировой войны

ОБМУНДИРОВАНИЕ УЛАНСКИХ ПОЛКОВ РУССКОЙ АРМИИ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Аннотация. В статье рассказывается о форме одежды, вооружении и снаряжении уланских полков русской армии в 1805–1815 гг.

Ключевые слова: русские уланы; Наполеоновские войны; приборный цвет; китиш-витиш.

Summary. The article tells about the uniforms, weapons and equipment of uhlan regiments of the Russian army in 1805–1815.
Keywords: Russian uhlands; Napoleonic wars; instrumental colour; kitish-vitish.

ОБМУНДИРОВАНИЕ уланских полков было довольно своеобразным. В его основе лежали мотивы польского национального костюма, а знаменитые шапки с квадратным верхом произошли от татарского головного убора. Мундиры шились из тёмно-синего сукна, отличались между собой цветом воротников, обшлагов, выпушек, эполет и уланских шапок, которые изначально не имели козырьков. С 1803 года уланская шапка представляла собой конфедератку высотой 2,85 вершка (12,7 см), а позднее примерно 5,51 вершков (24,5 см), с кожаным околышем и двумя кожаными козырьками — спереди и сзади (последний в случае непогоды можно было отогнуть и прикрыть затылок) и подбородным ремнём из чёрной кожи, снизу подшитого холстом и застёгивающимся на пуговицу с левой стороны. Тулья делалась из простроченного сукна, внутрь которого вставлялся бамбуковый хворост для придания жёсткости. Донце изначально обшивалось сукном, позднее — чёрной кожей, а верхние и боковые края и перегибы — гарусной (шерстяной) тесьмой, позднее шнурком. Передний козырёк, в отличие от пришивавшихся к пехотным киверам, сшивался из двух половинок, выкроенных из тонкой кожи, с картонной вставкой внутри. В 1807 году подбородный ремень заменила чешуя (ремень с прикреплёнными металлическими восемнадцатью чешуйками) у нижних чинов и цепочка на тканевой основе — у офицеров. В случае если полагался жёлтый прибор, ставилась чешуя из латуни, если белый — она лудилась оловом. С левой стороны располагалось гнездо с деревянным репейком (прообразом современной кокарды), обшитым сукном приборного цвета. В него вставлял-

ся султан из ниспадающих петушиных перьев: у рядовых белого цвета, у унтер-офицеров — с бело-чёрно-оранжевым верхом, у офицеров — белого цвета с чёрно-оранжевым низом. Репейки унтер-офицеров разделялись на четыре серо-белых квадрата¹. По воспоминаниям Надежды Дуровой, султан требовал тщательного ухода и быстро пачкался², так что в походе султан, а иногда и репейёк обычно снимали. Зимой с шапкой-уланкой надевались наушники в виде суконных полос, застёгивавшихся на подбородке на крючках.

Офицерская шапка обшивалась над околышем галуном приборного металла, верх был из сукна, а не из кожи и обшивался крест-накрест металлическими шнурами. Репейёк обшивался кахилей или маленькими круглыми блёстками (у штаб-офицеров) и имел вензель императора. До 1811 года репейки были круглой формы, которая сменилась потом на овальную. Гвардейские уланы носили на шапках спереди литое латунное изображение орла с распростёртыми крыльями. Сверху на донце, у правого угла, располагался деревянный костылёк, обшитый кожей, на который пристёгивалась петля шнура китиш-витиша (или вितिшкета)³. Состоя из хлопчатобумажных нитяных шнуров, двух кистей и пяти гомб, он, огибая воротник, крепился особым образом слева под эполетом. Китиш-витиш имел приборный цвет у рядовых; у унтер-офицеров кисти и гомбы делались из чёрно-оранжево-белой шерсти, у офицеров — из металлических нитей с примесью чёрного и оранжевого цветов. Некоторые офицеры, судя по иконографии, щеголяли друг перед другом различными способами намотки, а в Ямбургском полку сохранились воспомина-

ния о том, что обер-офицеры, нарушая регламент, ходили с более густыми, чем полагалось штаб-офицерскими китиш-витишами⁴.

Сначала шапки-уланки шили в Галиции, затем их освоили и русские мастера. Гвардейский офицер Фаддей Булгарин в своих мемуарах вспоминал: «Уланскую шапку мы носили тогда по форме, набекрень, к правой стороне, и почти вся голова была обнажена». Такой способ ношения, при котором шапка держалась на одном подбородном ремне, был своеобразным шиком. Часто внутри на походе солдатами клались различные мелочи: трубки, табак, письма и т.п., а один улан, по свидетельству польского мемуариста Юзефа Залусского, даже сумел спрятать от глаз своего вахмистра живого цыплёнка, добытого не совсем легальным способом⁵. Когда ничего не оказывалось под рукой, чтобы зачерпнуть

Солдатская и офицерская уланские шапки Волынского уланского полка 1818–1819 гг.

ГИБЕЛЬ ФЛАГМАНА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЛНАХ

Аннотация. В статье представлена научная биография командующего Амурской Краснознамённой военной флотилией флагмана 1 ранга И.Н. Кадацкого-Руднева.

Ключевые слова: научная биография; командующий флотилией; репрессии 1937 г.; флагман 1 ранга И.Н. Кадацкий-Руднев.

Summary. The article presents the scientific biography of the Commander of the Red Banner Amur Flotilla Flag Officer 1st Rank I.N. Kadatsky-Rudnev.

Keywords: scientific biography; Commander of the Flotilla; repressions in 1937; Flag Officer 1st Rank I.N. Kadatsky-Rudnev.

В № 4 «Военно-исторического журнала» за 2011 год была опубликована статья В.С. Мильбаха о пограничных инцидентах на реке Амур в 1937—1939 гг. В ней упоминалось и о командующем Амурской Краснознамённой военной флотилией флагмане 1 ранга И.Н. Кадацком-Рудневе. В предлагаемой вниманию читателей статье мы более полно расскажем о жизни и деятельности этого забытого ныне флотского военачальника, стоявшего у истоков становления советского ВМФ.

В ДЕКАБРЕ 1935 года «Красная звезда» опубликовала перечень наиболее значимых флотских военачальников, в котором была фамилия и И.Н. Кадацкого-Руднева, в то время командующего Амурской Краснознамённой военной флотилией (АКВФ).

Вот строки из передовой статьи центральной армейской газеты: «Имена Орлова, Викторова, Кадацкого, Галлера, Кожанова, Окунева, Киреева, Гришина, Гугина, Лудри, Душенова хорошо известны не только Красному Флоту, но и всей нашей армии и широким массам трудящихся нашей страны... как имена лучших боевых представителей нашего доблестного флота»¹. Отметим, что буквально накануне большая группа рядового, командного, начальствующего и политсостава Морских Сил РККА «за выдающиеся заслуги в деле организации подводных и надводных

морских сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии и за успехи в боевой и политической подготовке краснофлотцев» была награждена орденами Советского Союза. Орден Ленина получили 183 военмора, орден Красной Звезды — 65, орден «Знак Почёта» — 23 человека. Командующий АКВФ флагман 1 ранга И.Н. Кадацкий-Руднев был награждён орденом Красной Звезды.

Так кто же он такой — Кадацкий-Руднев, чьё имя оказалось третьим в списке популярных в те годы военмором?

Иван Никитич Кадацкий, родился 1(14) января 1889 года в городе Таганроге Донецкой губернии². По свидетельству близких, воспитывался он у дяди, боцмана спасательной станции, так что к морю с детства прикипел душой. В возрасте 18 лет Иван нанялся матросом в каботажный торговый флот, затем поступил в Таганрогское мореходное училище, откуда был призван на военную службу и определён на Черноморский флот³.

С началом Первой мировой войны Иван Никитич выдержал экзамен на прапорщика по морской части⁴ и с октября 1915 года по январь 1918 года проходил службу на различных должностях в бригаде траления Чёрного моря. По образному выражению известного писателя-мариниста Бориса Лавренёва, в этот период прапорщик И.Н. Кадацкий «служит на “гробовой” службе, в бригаде траления, укомплектованной офицерами “чёрной кости”, ибо “настоящие” моряки не желают подвергать себя ежеминутному риску взорваться»⁵. Какого-либо участия в Февральской и Октябрьской революциях прапорщик Кадацкий не принимал, но в феврале 1918 года добровольно вступил в ряды военмором создавае-

мого Рабоче-Крестьянского Красного флота (РККФ)⁶. На тральщике № 360 он принимал участие в первых боях Гражданской войны на Азовском море, воевал с белыми, с немецкими и австрийскими оккупантами. В качестве временного начальника отряда кораблей Черноморского флота он вывел из Ейска советские тральщики, которые могли захватить кайзеровские войска. Однако не всё складывалось благополучно.

В августе 1918 года И.Н. Кадацкий попал в плен к белогвардейцам, длительное время провёл в заключении, и только в начале 1920 года смог бежать⁷.

Несмотря на этот эпизод ему оказали полное доверие, и в апреле 1920 года Кадацкий назначается начальником Службы связи Морских сил Чёрного и Азовского морей (МСЧАМ)⁸. На этой должности он проявил себя как знающий и расторопный командир, и в августе 1920 года И.Н. Кадацкий получает должность начальника дивизиона канонерских лодок Азовской военной флотилии (АВФ), вскоре переименованного в Отряд канонерских лодок⁹. В должности флагманского штурмана он принимал активное участие в боевых действиях на Азовском море в августе—сентябре 1920 года, в частности у косы Обиточная, бой у которой закончился крупным успехом Азовской военной флотилии. Врангелевские корабли, потерпев поражение, перестали появляться в районе Бердянска, оставив без поддержки с моря фланг своих сухопутных частей. В общей победе была заслуга и флаг-штурмана И.Н. Кадацкого, и хотя и не сразу, а лишь через восемь лет, но он всё же получил за тот бой орден Красного Знамени¹⁰.

В декабре 1920 года И.Н. Кадацкий назначается старшим морским начальником Мариупольской

И.Н. Кадацкий-Руднев

ЗВЕЗДА НАДИР-ШАХА ЗАКАТИЛАСЬ В ГОРАХ ДАГЕСТАНА

Аннотация. В статье освещается региональное и международное значение разгрома Надир-шаха в Дагестане, определяется сущность кавказской политики России, Ирана, Турции, Англии и Франции, выявляется роль геополитических факторов, обусловивших активное развитие российско-кавказских и русско-дагестанских отношений.

Ключевые слова: Россия; Иран; Турция; Дагестан; взаимоотношения; освободительная борьба; единство.

Summary. The article highlights the regional and international significance of defeating Nadir Shah in Daghestan, determines the nature of the Caucasian politics of Russia, Iran, Turkey, Britain and France, reveals the role of geopolitical factors contributing to active development of the Russian-Caucasian and Russian-Daghestan relations.

Keywords: Russia; Iran; Turkey; Daghestan; relationships; liberation struggle; unity.

Одной из героических страниц истории народов Дагестана стала освободительная борьба против владычества Надир-шаха в 1734—1745 гг., завершившаяся поражением многочисленных полчищ «непобедимого полководца», «завоевателя Востока», «грозы Вселенной», каким его представляли многие современники. В ходе этой борьбы народы Дагестана не только проявили героизм и упорство, но и сделали свой внешнеполитический выбор — ориентацию на Россию, что способствовало изменению российско-кавказских отношений. В этой связи представляется актуальным освещение данной проблемы на основе достоверных источников, достижений отечественной и зарубежной историографии.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ борьба народов Дагестана против иранского правителя Надира началась в условиях поэтапного возвращения Россией Ирану присоединённых Петром I территорий Гиляна, Мазендрана, Астрабада, Азербайджана и Дагестана. Но с претензией на эти земли выступила Турция под предлогом защиты правоверных мусульман Дагестана — суннитов от покорения «неверными еретиками» — иранскими шиитами. Опасаясь усиления позиций Порты на Кавказе с выходом на побережье Каспия, российское правительство устойчиво противодействовало гегемонистским устремлениям османов в регионе. Положение осложнялось тем, что в обоих случаях западные державы (Англия и Франция) активно выступали против России в поддержку её восточных геополитических соперников — Ирана и Турции.

В такой ситуации первые два нашествия Надира на Дагестан (1734, 1735) были предприняты под предлогом возвращения захваченных османами иранских владений на Кавказе и достижения покорности придерживавшихся протурецкой ориентации дагестанских владетелей, в частности Сурхай-хана Казикумухского, находившегося в подданстве у Порты на правах верховного правителя Дагестана и Ширвана с резиденцией в Шемахе.

Однако решить эти задачи Надиру не удалось. Хотя он до основания разорил Шемаху, дважды вытеснял Сурхай-хана в Аварию, добился капитуляции

табасаранских владетелей, перехода на свою сторону тарковского правителя Хасбулата в качестве дагестанского шамхала и кайтагского уцмья Ахмед-хана в роли «хранителя печати Дагестана», в ходе военных действий 1734—1735 гг. иранские войска понесли значительные потери. Согласно сведениям русских офицеров, прикомандированных к свите шаха, Надир вынужден был отступить из гор, взяв с собой многих «побитых и раненых»¹. По признанию персидского источника, горцы преследовали воинов Надира, уничтожая «мечами многих иранцев»².

Временно покорив Казикумух, Губден и Баршлы, оставив значительные силы в Дербенте, назначив правителем Дагестана и Закавказья брата Ибрагим-хана, Надир-шах отправился в Индийский поход, поручив Ибрагим-хану, шамхалу Хасбулату и подчинившемуся временно Ахмед-хану уничтожать непокорных горцев, изгнать их «до пределов аваров и черкесов, чтобы об этом сохранилась память до конца света в горах Эльбруса»³. Выполнив этот приказ, летом 1738 года во главе 32-тысячного войска Ибрагим-хан вступил на территорию джаро-белоканских джамаатов*, однако не только потерпел поражение, но и погиб⁴.

Узнав о случившемся, штурмовавший в это время Герат и Кандагар Надир-шах осознал, что неслыханное поражение иранцев и гибель Ибрагим-хана в Джаро-Белокане могли иметь

Сурхай-хан Казикумухский

для него неприятные последствия. Неслучайно по мере завершения Индийского похода взоры шаха всё чаще обращались в сторону Каспия и Дагестана, стоявших на пути его гегемонистских замыслов на Астраханском и Крымском направлениях. Свидетельство тому — конкретная задача, поставленная шахом высшему командованию своих войск на приёме в честь успешного завершения военной кампании на Востоке: «С огромным бесчисленным войском вступить в царство Кумух и сделать новое клеймо (даг) на этой стране. От этого клейма огонь пойдёт по всему миру»⁵. По свидетельству современника Мухаммад-Казима, после этой встречи «войс-

* Сельские общины на Кавказе.

«СУВОРОВУ РАВНЫЙ»

Аннотация. В статье рецензируется изданная в 2011 году книга «Генерал Скобелев».
Ключевые слова: М.Д. Скобелев; полководец; мемуары.

Summary. The review analyses book "General Skobelev" published in 2011.
Keywords: M.D. Skobelev; military leader; memoirs.

В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ серии «Белые воины» вышла новая книга, посвящённая одному из наиболее выдающихся русских военачальников — Михаилу Дмитриевичу Скобелеву*.

Имя генерала от инфантерии М.Д. Скобелева (1843—1882) широко известно не только в нашей стране, но и за её пределами. Его жизнь — яркий пример патриотизма. Выбрав самую мужскую профессию — защиту Отечества, Скобелев всего за 18 лет прошёл славный ратный путь от младшего офицерского звания до старшего генеральского, стал кавалером многих орденов, в том числе самого высшего — Св. Георгия 4, 3 и 2-й степеней, что свидетельствует о его выдающемся таланте военачальника и большой личной храбрости (для сравнения напомним: за все годы Первой мировой войны обладателями этого ордена трёх степеней стали только четыре полководца).

Особенно широко и всесторонне дарования «белого генерала» проявились во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Сначала Скобелев состоял при штабе главнокомандующего, затем был назначен начальником штаба Кавказской казачьей дивизии, командовал казачьей бригадой при втором штурме Плевны и отдельным отрядом, овладевшим Ловчей. Во время третьего штурма он успешно руководил своим отрядом и сумел прорваться к Плевне, но не был своевременно поддержан командованием. Затем, командуя 16-й пехотной дивизией, участвовал в блокаде Плевны и при переходе через Имитлийский перевал внёс решающий вклад в судьбоносную победу, одержанную в сражении при Шипке-Шейново, в результате которой была ликвидирована сильная группировка отбор-

Титульный лист книги

ных турецких войск, образована брешь во вражеской обороне и открыта дорога на Адрианополь, который вскоре и был взят.

В феврале 1878 года Скобелев занял Сан-Стефано под Стамбулом, поставив тем самым точку в войне. Всё это сделало генерала популярным в России, а особенно в Болгарии, где память о нём «на 2007 г. увековечена в названиях 382 площадей, улиц и установленных памятниках» (с. 512).

Из Болгарии Скобелев во главе 4-го корпуса вернулся на родину и все усилия направил на обучение своих войск. За два неполных года он превратил корпус в один из лучших в русской армии, что вскоре блестяще подтвердили 2-я Ахалтекинская экспедиция, штурм считавшейся неприступной крепости Геок-Тепе, взятие Ашхабада. За свой короткий ратный путь — менее двух десятилетий — «белый генерал», как и другой великий русский полководец Александр Васильевич Суворов, не потерпел ни одного поражения. Недавно надпись на венке от Нико-

лаевской академии Генерального штаба, сопровождавшем Скобелева в последний путь, гласила: «Полководцу, Суворову равному».

Издание состоит из четырёх частей. Ему предшествует предисловие научного редактора военно-исторической серии «Белые воины», главного редактора альманаха «Белая гвардия» доктора исторических наук В.Ж. Цветкова. «Для многих своих современников, — пишет он, — Скобелев выражал идею сильной личности, волевого человека, наделённого чертами национального лидера. «Белым генералом» Скобелева можно было называть отнюдь не за белый китель и фуражку, а за чистоту души, искренность и честность» (с. 6).

Первую часть рецензируемой книги — «Воспоминания о генерале Скобелеве» — составляют давно ставшие библиографической редкостью (не переиздавались более 100 лет) мемуары адъютанта полковника, донского казака есаула Петра Архиповича

* Генерал Скобелев / Сост. Р.Г. Гагкуев. М.: Информационное агентство «Белые воины»; Издательский дом «Достоинство», 2011. 634 с., 16 л. ил.

ОБ УЧАСТИИ РОССИИ В ВОЙНАХ И КОНФЛИКТАХ

Аннотация. В рецензии анализируется тематический справочник А.П. Дегтярёва и В.П. Сёмина «Военная история России: внешние и внутренние конфликты», посвящённый хронологии войн и вооружённых конфликтов, в которых принимало участие Российское государство с IX до начала XXI в.

Ключевые слова: справочник; хронология; систематизация; война; вооружённый конфликт.

Summary. The review examines the theme directory by A.P. Degtyaryov and V.P. Syomin "Military history of Russia: external and internal conflicts", dedicated to the chronology of the wars and armed conflicts with participation of the Russian state from the IX to the early XXI centuries.

Keywords: directory; chronology; systematization; war; armed conflict.

ПРЕДСТАВЛЕННОЕ вниманию читателей издание является справочником, посвящённым войнам и вооружённым конфликтам, в которых принимало участие Российское государство с IX до начала XXI века*. В книге даётся информация не только о войнах с внешним противником, но и о внутренних конфликтах, восстаниях и мятежах. Уникальность справочника заключается в том, что впервые предпринята попытка систематизации всех войн и военных конфликтов, в которых участвовало Российское государство с момента своего возникновения.

Целью издания является «содействие государственным органам власти, общественным организациям и вузам страны в деле развития исторического сознания россиян, формирования у них разносторонних знаний о ратной эволюции государства, воспитания гордости за проделанный соотечественниками труд по сохранению достоинства России и глубокой веры в великое будущее Отечества» (с. 12). Таким образом, при создании справочника авторы ставили своей целью патриотическое воспитание граждан России.

В качестве источников использованы дореволюционные, советские и современные словари и энциклопедии, а также монографии и издания периодической печати. Материал справочника распределён по четырём разделам. В основе систематизации лежит хронологический принцип.

В первом разделе представлены войны от эпохи Киевской Руси до образования централизованного Российского государства; во втором — вооружённые конфликты второй половины XVII—XVIII вв.; третий посвящён войнам и внутренним конфликтам в Российской империи в XIX — начале XX века; четвёртый — вооружённым конфликтам в советский и постсоветский периоды.

Одно из достоинств труда — тщательное соблюдение хронологии событий, что поможет читателям свободно ориентироваться в обширном информационном массиве. Структурированное построение содержания позволило авторам в лаконичной форме изложить огромный объём исторического материала.

Необходимо отметить, что авторы не только указывают основные моменты войн или сражений, но и обращают внимание на политические и экономические

предпосылки тех или иных военных конфликтов, а также на их последствия. Причём эти итоги рассматриваются с различных точек зрения: политической, экономической, культурной, идеологической. Например, одним из последствий изгнания наполеоновских войск из России явились перемены в общественной жизни, а именно: началось формирование идеологии дворянских революционеров-декабристов. Кроме того, события Отечественной войны 1812 года оказали большое влияние на творчество многих русских деятелей культуры.

Важной особенностью книги является наличие сведений о внутренних конфликтах (крестьянские войны, восстания, мятежи, бунты, погромы, рабочие волнения, пограничные конфликты), без знания которых невозможно получить целостное представление о той или иной исторической эпохе. Так, например, во время Северной войны, ставшей кульминационным пунктом российской истории петровского времени, произошли такие крупные внутренние вооружённые конфликты, как Астраханское восстание 1705—1706 гг. и восстание под предводительством Кондратия Булавина 1707—1708 гг.

Большой интерес представляет параграф «Россия в войнах и военных конфликтах во второй половине XX — начале XXI вв.», в котором отражено участие нашей страны в военных действиях различной интенсивности и продолжительности в то время, когда СССР выступал на мировой арене в качестве сверхдержавы. Разнообразие представленных тем простирается от оказания военной поддержки Китаю в 1946—1950 гг. до войны в Афганистане (1979—1989 гг.). К несомненным достоинствам справочника следует отнести и внимание к событиям недавнего прошлого, в том числе таким как использование вооружённых сил в Бакинских событиях 1990 года и во время августовских событий 1991 года. Не меньшую смысловую нагрузку несут приложения: родословные таблицы князей Рюриковичей; характеристики локальных войн и вооружённых конфликтов в 1946—2000 гг.; цветные схемы военных походов и операций. Эти материалы удачно дополняют текстовую часть справочника, облегчают читателю поиск нужной информации.

Достоинством справочника стала и нейтральная авторская позиция в изложении тех или иных военно-исторических событий.

Однако наряду с достоинствами книга имеет и некоторые недостатки: авторами допущено несколько неточностей. Так, например, польская и шведская ин-

Обложка книги

тервенции и русско-польские войны XVII столетия отнесены к периоду образования единого русского государства, тогда как в то время оно уже существовало. Второй раздел справочника начинается с параграфа «Войны России в эпоху Петра I и послепетровское время (конец XVII — первая половина XVIII в.)», а описание военных событий начинается с русско-шведской войны 1656—1658 гг., что хронологически не соответствует заявленной теме. То же замечание можно отнести и к Русско-шведской войне 1808—1809 гг., основные события которой представлены в этом параграфе. Следовало также конкретизировать понятия «война» и «военный конфликт», обозначив их сходство и различие.

И всё же в целом справочник представляет собой успешную попытку систематизации событий военной истории Российского государства. Благодаря доступности изложения данное издание можно рекомендовать не только специалистам в области военной истории, слушателям военных академий и училищ, студентам высших учебных заведений, но и широкому кругу читателей, интересующихся отечественной военной историей.

Л.В. КОРНИЕНКО

* Дегтярёв А.П., Сёмин В.П. Военная история России: Внешние и внутренние конфликты: Тематический справочник с приложением схем военных действий. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2011. 392 с., ил.